

Проблема запрещения агрессивных войн в истории международного права

Аннотация. Рубеж XIX–XX вв. ознаменовался появлением отдельных международных актов, в которых закреплялись некоторые ограничения одного из традиционных прав государств — права на войну. Необходимость их всестороннего исследования очевидна, поскольку именно эти акты создали своего рода фундамент для развития межгосударственного сотрудничества в направлении выработки таких юридических норм, которые служили бы надежным барьером против развязывания захватнических войн в будущем. В этом контексте первостепенное значение имеет Статут Лиги Наций 1919 г., в статьях которого, помимо прочего, закреплялись требования процедурного характера, выполнение которых было необходимым условием, предшествовавшим обращению к вооруженной силе.

Предметом исследования является также Парижский пакт 1928 г., где впервые на универсальном уровне государства зафиксировали положение о запрете развязывания агрессивных войн. Вместе с тем юридическое и грамматическое толкование положений этого договорного источника позволило автору сделать вывод, что в действительности установленный запрет не носил абсолютного характера, поскольку не все ситуации, связанные с обращением государств в их международных отношениях к вооруженной силе, можно квалифицировать в качестве войны. Подобное положение вещей, когда государства имели реальную возможность обойти договорно-установленный запрет, стало важной предпосылкой для продолжения работы в целях согласования на международном уровне определения агрессии.

Иные международные акты, сыгравшие определенную роль в установлении общего воспрещения применения силы в международных отношениях, также стали предметом анализа в данной статье.

Ключевые слова: Парижский пакт 1928 г.; война; вооруженный конфликт; межгосударственные отношения; самооборона; международно-правовая наука; Статут Лиги Наций; агрессия; агрессивная война; международное право.

Для цитирования: Ильинская О. И. Проблема запрещения агрессивных войн в истории международного права // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 8. — С. 162–173. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.162-173.

© Ильинская О. И., 2024

* Ильинская Ольга Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
oiilinskaya@msal.ru

The Problem of the Prohibition of Wars of Aggression in the History of International Law

Olga I. Ilinskaya, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
oiilinskaya@msal.ru

Abstract. The turn of the 19th and 20th centuries was marked by the emergence of individual international acts that established certain restrictions on one of the traditional rights of states – the right to war. The need for their comprehensive study is obvious, since it was these acts that created a kind of foundation for the development of interstate cooperation in the direction of developing such legal norms that would serve as a reliable barrier against the outbreak of wars of conquest in the future. In this context, of primary importance is the 1919 Covenant of the League of Nations, whose articles, among other things, set out procedural requirements, the fulfilment of which was a necessary condition preceding the resort to armed force.

The subject of the study is also the Paris Pact of 1928, which for the first time at the universal level states recorded a provision prohibiting the unleashing of aggressive wars. At the same time, the legal and grammatical interpretation of the provisions of this treaty source allowed the author to conclude that, in reality, the established prohibition was not absolute in nature, since not all situations related to the resort of states to armed force in their international relations can be classified as war. This state of affairs, where states had a real opportunity to circumvent the treaty-established prohibition, became an important prerequisite for continuing work to agree on an international definition of aggression.

Other international acts that played a certain role in establishing a general prohibition of the use of force in international relations also became the subject of analysis in this paper.

Keywords: Paris Pact of 1928; war; armed conflict; interstate relations; self-defense; international legal science; Statute of the League of Nations; aggression; aggressive war; international law.

Cite as: Ilinskaya OI. The Problem of the Prohibition of Wars of Aggression in the History of International Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(8):162-173 (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.162-173.

Введение

На рубеже XIX–XX вв. были предприняты определенные усилия в целях некоторого ограничения одного из традиционных прав государств — права на войну. Необходимо подчеркнуть, что до указанного периода в качестве общепризнанного существовало положение о том, что решение всех вопросов, связанных с началом войны (ее необходимость и преследуемые цели), рассматривалось как внутреннее дело государства. Известные представители международно-правовой науки отмечали, что войну следовало рассматривать как способ достижения государством своих целей. Например, К. Иглтон (США) полагал, что с помощью войны государства стремились «реализовать собствен-

ные права»¹. В свою очередь авторитет государства на международной арене напрямую зависел от того, насколько благоприятным для этого государства окажутся итоги вооруженного конфликта, в котором оно участвует.

По свидетельству видного израильского профессора Й. Динштейна, заключение государствами двусторонних договоров, содержащих обязательства разрешать возникающие между участниками этих договоров споры исключительно мирными средствами, воздерживаясь от применения силы, следует рассматривать в качестве исключения из повсеместно признававшегося положения о том, что решение вопросов, связанных с началом войны, находится в сфере государственного суверенитета².

¹ См.: *Eagleton C. Analysis of the Problem of War*. NY : Ronald Press Co., 1937. P. 79.

² *Dinstein Y. War, Aggression and Self-Defence*. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. P. 73.

Зарождение и кристаллизация идеи недопустимости агрессивных войн

Известные ученые, с именами которых принято связывать появление международно-правовой науки, в своих научных трудах осмыслению войны уделяли немалое внимание. Рассуждая о войнах, которые, по их мнению, следовало рассматривать в качестве «несправедливых», они предлагали исключить таковые из отношений между государствами. Так, по мнению испанского ученого эпохи Ренессанса Ф. де Витория, единственной целью войны может быть «исправление неправого дела». Если же государство прибегает к войне в иных целях, то оно должно будет компенсировать ущерб, причиненный другому государству вследствие такого поведения³.

Примерно те же идеи можно обнаружить и в труде Б. Айалы, полагавшего, что только неудачный исход переговоров может дать право государству прибегнуть к войне в целях защиты своих законных прав⁴.

В свою очередь, голландский государственный деятель и юрист Г. Гроций обозначил отчетливую грань между войной справедливой и несправедливой. По его мнению, допустима только справедливая война, под которой подразумевается такая война, которая является ответом на нарушение фундаментальных прав государства. К этим правам относятся права на уважение и сохранение, на торговлю и равноправие. По Гроцию, любое нарушение упомянутых прав следует рассматривать как «несправедливость». Соответственно, если возникает случай несправедливости, то государство — жертва нарушения в порядке реализации своего права на законную оборону имеет право прибегнуть

к войне в целях восстановления справедливости⁵. Принципиально важно при этом, по мнению Гроция, не отклоняться от неперемного требования о соблюдении добросовестности и уважения к действующим правовым нормам.

Швейцарский юрист Э. де Ваттель тоже не остался в стороне от упомянутой концепции деления войны на справедливую и несправедливую. Названный ученый исходил из того, что «если кто-либо нападает на нацию или нарушает ее права, он наносит ей обиду. С этого момента нация вправе дать ему отпор... Она имеет также право предупредить обиду, когда видит себя под угрозой». Как следует из приведенных высказываний, война может быть начата исключительно в случае «обиды»⁶, причем не только претворенной в жизнь, но и угрожающей. «Поэтому, — заключает Ваттель, — когда речь идет о том, чтобы определить, справедлива ли война, нужно рассмотреть, был ли обижен начинающий войну, или находится ли он под угрозой обиды. И для того, чтобы знать, что надо рассматривать как обиду, нужно знать права нации. Они разнородны и их много... Все, что наносит ущерб этим правам, является обидой и справедливым поводом к войне»⁷. Однако если такая ситуация не возникла, то обращение к вооруженной силе, по мнению Ваттеля, неправомерно, и сама война в данном случае является несправедливой. На основании приведенных рассуждений ученый пришел к выводу, что справедливая война имеет своей целью: «1. Заставить возратить то, что нам принадлежит, или то, что нам должны. 2. Обеспечить безопасность на будущее, наказывая агрессора или обидчика. 3. Обороняться или защитить себя от обиды, дав отпор незаконному насилию»⁸.

³ См.: De indis et de jure belli reflectiones // *Victoria F. de. The Reflections in Moral Theology of the Very Celebrated Spanish Theologian.* Washington : Carnegie Institution, 1917.

⁴ См.: *Ayala B. Three Books on the Law of War and on the Duties Connected with War and on Military Discipline.* Washington : Carnegie Institution, 1912. Second Book. Ch. II. Sec. 11. 28.

⁵ См.: *Гроций Г. О праве войны и мира.* М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948.

⁶ *Ваттель Э. де. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов.* М. : Госюриздат, 1960. С. 439.

⁷ *Ваттель Э. де. Указ. соч.* С. 439–440.

⁸ *Ваттель Э. де. Указ. соч.*

Позднее, уже в XIX в., задумываясь о важности мира, Л. А. Камаровский выдвинул идею создания международного суда, который обладал бы компетенцией рассматривать межгосударственные споры, что,

Рассмотрев доктринальные подходы к исследуемой проблеме, приходится констатировать, что в международном праве того периода они так и не получили своего закрепления. Вместе с тем обоснование причин начала войны считалось необходимым правилом, повсеместно соблюдаемым государствами. Однако нельзя говорить о признании данного правила в качестве юридически обязательного. Иными словами, международное право того периода не содержало каких-либо норм на сей счет, а значит, государства не обязаны были публично мотивировать свое решение об обращении к вооруженной силе. По этому поводу видный представитель отечественной международно-правовой науки Г. И. Тункин писал, что если какое-либо государство вынашивало планы вторжения в другое государство, то истинные причины такого решения оно всегда стремилось завуалировать⁹. По словам другого известного юриста-международника Э. А. Пушмина, в международном праве не существовало дифференциации между государством — инициатором войны и жертвой, а действия обеих сторон считались в равной степени правомерными¹⁰. В этой связи небезынтересно заметить, что в случае применения вооруженных репрессалий от государства ожидалось убедительное правовое обоснование таких мер.

Начальный этап международно-правового признания идеи недопустимости агрессивных войн

Распространенная в межгосударственных отношениях практика обращения к вооруженным репрессалиям, в том числе с целью взыскания долгов, вынудила государства приступить к выработке правовых норм, регламентирующих этот вопрос. Результатом такой работы стало принятие в 1907 г. Конвенции об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам, ставшей одним

из результатов Второй конференции мира, инициированной российским императором Николаем II. Область применения указанного международного акта, как следует из его названия, была ограничена договорными долговыми обязательствами. Немалый интерес представляет и предыстория этой конвенции. Так, с декабря 1902 г. по февраль 1903 г. вооруженными силами Великобритании, Германии и Италии была проведена военно-морская операция против Венесуэлы, заключающаяся в блокаде ее портов. Такие меры, предпринятые указанными тремя европейскими государствами, были вызваны временным отказом властей Венесуэлы выплачивать имевшиеся внешние долги, а также возмещать убытки, причиненные гражданам ряда европейских государств вследствие гражданской войны в Венесуэле 1899–1902 гг. Этот отказ венесуэльских властей был обусловлен серьезным экономическим кризисом, наступившим в стране сразу после гражданской войны. В свою очередь блокада венесуэльских портов должна была способствовать тому, чтобы Венесуэла, несмотря на финансовые затруднения, всё же выплатила свои долги. Такие меры вызвали серьезную обеспокоенность не только со стороны других государств Латинской Америки, но и со стороны США, где в соответствии с доктриной Монро постулировалось непризнание европейского вмешательства в дела американских государств.

Ответом на описанные события стало появление доктрины, автором которой явился Л. М. Драго¹¹, в соответствии с которой силовое взыскание государственных долгов недопустимо, поскольку подобная практика затрагивает суверенитет государства, имеющего невыплаченный долг.

Эта доктрина обрела нормативное закрепление благодаря усилиям Х. Д. Портера, назначенного Соединенными Штатами в качестве своего представителя для участия в работе Второй

безусловно, стало бы важным барьером против развязывания войн (см.: Камаровский Л. А. О международном суде. М.: Зерцало, 2007. С. 287–310).

⁹ Тункин Г. И. Теория международного права. М.: Зерцало, 2000. С. 40.

¹⁰ Пушмин Э. А. Мирное разрешение международных споров: международно-правовые вопросы. М.: Междунар. отношения, 1974. С. 17.

¹¹ В то время он занимал пост главы внешнеполитического ведомства Аргентины.

конференции мира. Необходимо признать, что проделанная представителем США работа оказалась весьма продуктивной, и принятая Конвенция в неофициальном порядке зачастую именуется Конвенцией Драго — Портера.

Главный тезис упомянутой доктрины выражен так: «Договаривающиеся Державы согласились не прибегать к вооруженной силе для истребования договорных долгов, взыскиваемых Правительством одной страны с Правительства другой, как причитающихся ее подданным»¹². При этом данное правило не носило абсолютно-го характера: в случае отказа должника от предложения подвергнуть спор третейскому разбирательству или же при невыполнении вынесенного решения к такому государству по-прежнему могла быть применена вооруженная сила. Итак, государству, имеющему невыплаченный долг, следовало принять предложение государства-кредитора о разрешении возникшего спора с помощью третейского разбирательства, с тем чтобы против него государством-кредитором не была применена вооруженная сила в целях истребования имеющегося долга. В ином случае государство-кредитор было вправе применить вооруженную силу для истребования долга.

Анализируя данную Конвенцию, представляется возможным сделать вывод, что она дала импульс для продолжения работы в направлении выработки международно-правовых норм, закрепивших запрет применять вооруженную силу для разрешения тех или иных разногласий между государствами. Очевидно, что нормы, обязывающие государства обращаться для разрешения международных споров только к мирным средствам, не могли появиться спонтанно, и рассмотренная Конвенция еще раз убеждает нас в этом: в ней, как было показано выше, не содержалось категорического и безусловного запрета применять вооруженную силу в межгосударственных отношениях, однако на первый

план вышли уже иные — мирные — способы разрешения возникающих международных споров.

Следует подчеркнуть, что Вторая конференция мира ознаменовалась принятием и другой, не менее важной Конвенции, имевшей целью определенным образом ограничить право государства прибегать к войне как к традиционному способу разрешения споров. Имеется в виду Конвенция о мирном разрешении международных столкновений 1907 г.¹³, где красной нитью проходит мысль, что силовому разрешению международных споров должны предшествовать попытки мирного урегулирования, что было провозглашено обязанностью государства. Данный подход отражен в таких формулировках: «Договаривающиеся Державы соглашаются прилагать все усилия к тому, чтобы обеспечить мирное решение международных несогласий», причем упомянутое здесь «мирное решение» обуславливалось задачей «предупредить по возможности обращение к силе». Конкретизация приведенного положения содержится в статьях Конвенции, посвященных средствам урегулирования возникавших споров. Речь идет о добрых услугах и посредничестве: «Договаривающиеся Державы соглашаются в случае важного разногласия или столкновения, *прежде чем прибегнуть к оружию*, обращаться, насколько позволят обстоятельства, к добрым услугам или посредничеству одной или нескольких дружественных Держав (курсив мой. — О. И.)»¹⁴. Данное положение убеждает в том, что в случае провала попыток разрешить спор путем обращения к добрым услугам или посредничеству спорящие стороны имели право прибегнуть к силовому его урегулированию.

В научных работах того периода можно видеть определение желательного вектора развития международного права¹⁵, которое, по мнению правоведов, должно эволюциони-

¹² Международное право в избранных документах. М. : ИМО, 1957. Т. 1. С. 117.

¹³ Эта Конвенция пришла на смену аналогичной Конвенции, датированной 1899 г.

¹⁴ Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912. С. ХСIII—CVI.

¹⁵ Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. 4-е рус. изд. Юрьев (Дерпт) : Тип. К. Маттисена, 1917. С. 381—382.

ровать в сторону интенсификации третейского разбирательства межгосударственных споров и сведения к минимуму практики обращения к так называемой военной самопомощи. Последняя должна допускаться только в ситуациях крайней необходимости.

Подводя краткие итоги, можно предположить, что проанализированные меры международно-правового характера (принятие двух рассмотренных конвенций) хотя и представляли собой элемент прогрессивного развития международного права, тем не менее еще долго не привели бы к следующему логическому шагу — окончательному запрету в межгосударственных отношениях агрессивной войны, если бы не произошло такого глобального потрясения, каким стала Первая мировая война. Думается, что именно Первая мировая война стала своего рода катализатором окончательной кристаллизации идеи недопустимости агрессивной войны. По этому поводу проф. М. Боте пишет, что «шок, вызванный человеческими страданиями в Первой мировой войне, способствовал переоценке последствий войны, которая послужила толчком для дальнейшего развития права»¹⁶.

Если же говорить о нормативном закреплении указанной идеи, то первенство здесь принадлежало внутригосударственному праву. Так, провозглашение агрессивной войны «преступлением против человечества»¹⁷ можно обнаружить в Декрете о мире, принятом 26 октября 1917 г. (по григорианскому календарю — 8 ноября) и ставшем первым правовым актом Советской России.

Хотя идея запрещения войн и получила к моменту окончания Первой мировой войны широчайшую поддержку и признание, в том числе в международно-правовой доктрине, участники Парижской конференции¹⁸, одним из итогов которой стало создание Лиги Наций, так

и не смогли решиться на закрепление в учредительном акте этой организации окончательного и полного запрета войны.

Далее сфокусируемся на тех положениях Статута Лиги Наций¹⁹, в которых содержались обязательства государств ограничить свое право обращаться к вооруженной силе. В первую очередь обращает на себя внимание формулировка преамбулы, где предусматривается, что в целях развития международного сотрудничества следует «принять некоторые обязательства не прибегать к войне». Как видим, здесь не шла речь об абсолютном запрете прибегать к войне, на что ясно указывает словосочетание «некоторые обязательства». Под войной, попавшей под формальный запрет, а значит, ставшей отныне противоправной, следовало понимать агрессивную войну, что вытекает из Статута, закреплявшего обязательство «уважать и сохранять против внешнего вторжения территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов» (ст. 10).

В Статуте фиксировалась обязанность государств — членов Лиги обращаться в случае возникновения спора к средствам мирного его разрешения. Например, если спор был столь серьезным, что создавал опасность для дальнейшего сохранения нормальных межгосударственных отношений, то его сторонам надлежало обратиться к «третейскому разбирательству либо судебному разрешению»; также была возможность передать его на рассмотрение Совета. Обращение к этим процедурам влекло обязанность не прибегать к войне ранее истечения установленного Статутом срока, начинавшего исчисляться с момента вынесения третейского или судебного решения или доклада Совета. Такой срок согласно п. 1 ст. 12 Статута составлял три месяца. По всей видимости, данная норма имела целью воспрепятствовать дальнейшему

¹⁶ Международное право = *Völkerrecht* / В. Граф Витцтум [и др.]; пер. с нем. М. : Инфотропик Медиа, 2011. С. 818.

¹⁷ См.: Международные отношения и внешняя политика СССР : сборник документов. 1871–1957 гг. М. : Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1957. С. 49.

¹⁸ Проходила в 1919–1920 гг.

¹⁹ См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. VIII. М. : НКВД, 1935.

обострению межгосударственных споров, поэтому участникам спора надлежало прибегнуть к перечисленным в упомянутой статье мирным средствам, и лишь в том случае, если по прошествии трех месяцев с момента завершения соответствующей процедуры спор так и не удавалось урегулировать к удовлетворению обеих сторон, каждая из них могла попытаться решить спор силовым путем. Таким образом, война, начатая после выполнения рассмотренных условий, являлась правомерной. Кроме того, если одна из спорящих сторон выполняла судебное или третейское решение или же следовала тем предписаниям, которые сформулировал Совет Лиги в подготовленном им докладе, то начатая против нее война должна была квалифицироваться как противоправная. Такой вывод следует из ст. 13 Статута, где устанавливалась обязанность «выполнять добросовестно вынесенные решения и не прибегать к войне против члена Лиги, который будет с ними сообразовываться», и ст. 15, где постулировалось, что если Совет будет в состоянии принять доклад единогласно, то члены Лиги «обязуются не прибегать к войне против Стороны, которая сообразуется с выводами доклада». Речь идет о случаях, когда Совету удавалось принять доклад единогласно. В ином случае за государствами сохранялось право действовать в соответствии с их собственными представлениями о наиболее подходящих путях сохранения правопорядка. Формулировка, оставлявшая право применения любых мер, которые государства сочтут «подходящими», не исключала, как видим, и силового разрешения спора. Представляется, что такой подход основывался на том соображении, что только единогласно принятый доклад свидетельствует о безупречности представленной правовой аргументации, тогда как отсутствие единогласия говорит об уязвимости позиций спорящих сторон.

Если между государствами возникал спор, касавшийся такого вопроса, который, по мнению одного из них, относится исключительно к сфере его внутренней компетенции, то для

разрешения данного спора могли применяться любые, в том числе силовые, средства. В свою очередь, право определять, относится или не относится вопрос только к внутренней компетенции государства, оставалось за государством. Соответственно, если Совету передавался спор, а какая-либо из его сторон настаивала, что он затрагивает вопрос, относящийся «исключительно к ведению этой Стороны» (п. 8 ст. 15 Статута), то в случае признания данного утверждения Советом он прекращал дальнейшее рассмотрение такого спора, оставляя государству право применять любые меры. Очевидно, что подобный подход был заведомо чреват злоупотреблениями, поскольку практически в любом споре та сторона, которая не была заинтересована в его мирном разрешении, всегда могла заявить Совету, что возникший спор касается вопроса, относящегося к сфере ее внутренней компетенции. От Совета требовалось лишь признать это утверждение.

Таким образом, анализ рассмотренных статей Статута Лиги Наций дает основание сделать вывод, что, несмотря на весьма детальную проработку вопроса о процедурах мирного разрешения международных споров, у государств все еще оставалось немало возможностей применить вооруженную силу под тем или иным предлогом.

Международно-правовые инициативы Лиги Наций

Немалый интерес представляют принимавшиеся Лигой Наций меры международно-правового характера, имевшие целью поставить агрессивную войну за рамки правового поля. В указанном плане заслуживают внимания два договорных акта, которые, однако, так и не обрели юридическую силу: это Договор о взаимной помощи 1923 г., где агрессивная война признавалась международным преступлением, а каждой из его сторон надлежало принять обязательство «не быть виновной в его совершении»²⁰, и Протокол о мирном разрешении международных

²⁰ *Brownlie I. International Law and the Use of Force by States. Oxford : Clarendon Press, 1963. P. 68.*

споров 1924 г.²¹, устанавливавший обязанность участников «не прибегать к войне... за исключением случаев сопротивления актам агрессии или же когда они действуют в согласии с Советом или Собранием Лиги наций, сообразно положениям Статута и настоящего Протокола»²². В ст. 10 постулировалось, что «является агрессором государство, которое прибегает к войне в нарушение обязательств, предусмотренных в Статуте или в настоящем Протоколе». В подобных случаях Совету Лиги Наций надлежало в пределах своей компетенции определить конкретные санкции в отношении агрессора, о чем говорилось в той же статье 10 Протокола.

Через несколько лет, в 1927 г., VIII Собранием Лиги Наций была одобрена Декларация об агрессивных войнах²³, согласно которой «агрессивная война является запрещенной».

На наш взгляд, рассмотренные международные акты способствовали установлению юридического запрета агрессивных войн. Не менее важную роль в этом отношении сыграла и практика отказа некоторых государств в своих взаимоотношениях от разрешения возникавших между ними разногласий с помощью силы. Для иллюстрации сказанного обратимся к Рейнскому гарантийному пакту 1925 г.²⁴, где закреплено, что «Германия и Бельгия, а также Германия и Франция обязуются не предпринимать друг против друга нападения или вторжения и не прибегать к войне друг против друга».

Дальнейшие шаги в направлении международно-правового запрещения агрессивных войн

Впрочем, рассмотренные инициативы Лиги Наций, имевшие своей целью исключить войну из

имевшихся на тот момент средств разрешения споров, как было показано выше, указанной цели так и не достигли.

Кардинальным образом существовавшая правовая реальность была изменена в 1928 г., когда в Париже состоялось подписание Договора о воспрещении войны в качестве орудия национальной политики²⁵. Его заключение было инициировано главами внешнеполитических ведомств Франции и США — А. Брианом, выдвинувшим идею включения в договор с США об арбитражном разрешении споров положения о недопустимости обращаться в своих взаимных отношениях к силе, и Ф. Келлогом, полагавшим, что подобное обязательство должно связывать не только Францию и США, но и другие государства. Ввиду этого соображения было решено, что и другие государства будут приглашены к переговорному процессу в целях выработки соответствующего многостороннего договора. В результате подписантами Парижского пакта 1928 г. стали не только США и Франция, но и еще семь государств²⁶. Советский Союз в переговорах по заключению данного договора не участвовал, однако уже 6 сентября того же года оформил свое участие в нем.

Договор 1928 г. с точки зрения субъектно-территориального охвата следует отнести к договорам универсального масштаба: к 1939 г. его положения были обязательными для 63 государств мира, и лишь несколько латиноамериканских государств²⁷ не стали его участниками, что объясняется наличием другого аналогичного акта, связывавшего эти государства, — Пакта 1933 г.²⁸, где не только воспроизводились положения Договора 1928 г., но также говорилось о непризнании территориальных приобретений, ставших результатом применения оружия²⁹.

²¹ Известен также как Женевский протокол 1924 г.

²² Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. XI. М.: НКВД, 1937.

²³ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. XI.

²⁴ См.: Международные отношения и внешняя политика СССР: сборник документов. С. 87.

²⁵ Этот договор также именуют пактом Бриана — Келлога.

²⁶ Это Бельгия, Великобритания, Германия, Италия, Польша, Чехословакия, Япония.

²⁷ Аргентина, Боливия, Сальвадор, Уругвай.

²⁸ Подписан 10 октября 1933 г. в г. Рио-де-Жанейро (Бразилия).

²⁹ См.: *Dinstein Y. Op. cit.* P. 154.

Далее проанализируем обязательства, закрепленные в Парижском пакте 1928 г.³⁰ Так, в ст. 1 указанного международного договора постулируется, что его участники «осуждают обращение к войне для урегулирования международных споров и отказываются от таковой в своих взаимных отношениях в качестве орудия национальной политики». Привлекает внимание использование здесь глагола «отказываются», указывающего на то, что приведенное положение явилось результатом прогрессивного развития международного права, а не воспроизведением уже существовавших норм. Кроме того, использование именно такой глагольной формы, на наш взгляд, призвано подчеркнуть, что государства — подписанты договора действовали в духе доброй воли, четко осознавая важность своего решения.

Оценивая историко-правовое значение Договора 1928 г., Г. И. Тункин подчеркивал, что Парижский пакт 1928 г. закреплял новый принцип: «Отказ от войны “в качестве орудия национальной политики” означал отказ от агрессивной войны, т.е. войны, которую государство начинает первым... Под войной в качестве “орудия национальной политики” понималась война, которую начинает само государство, в отличие от действий, предпринимаемых по постановлению компетентного международного органа»³¹, — отмечал ученый.

Обращаясь к такому авторитетному изданию, как Большая советская энциклопедия, можно видеть, что данный договор характеризуется в нем как вершина пацифистской дипломатии³².

О важнейшем значении рассматриваемого международного акта свидетельствует и тот факт, что одно из международных преступлений, в совершении которого обвинялись руководители фашистской Германии в ходе Нюрнбергского процесса, — развязывание и ведение агрессивной войны — было признано Международным военным трибуналом нарушением

обязательств, вытекавших из Парижского пакта 1928 г.

Ни в коей мере не умаляя значения Парижского пакта, тем не менее можно констатировать, что декларируемое в преамбуле Пакта намерение его участников лишать государство, стремящееся «развивать свои национальные интересы, прибегая к войне», тех преимуществ, которые обуславливались участием в этом договоре, не нашло своего развития в последующих статьях: в Парижском пакте нет ни слова о принудительных мерах, которые могли бы применяться в случае отступления того или иного государства от своих обязательств.

С одной стороны, отсутствие таких положений может показаться закономерным, поскольку в случае нарушения кем-либо из участников Парижского пакта своих обязательств в отношении него могли быть введены принудительные меры, упоминавшиеся в Статуте Лиги Наций. Согласно ст. 16, если член Лиги «прибегает к войне вопреки обязательствам, принятым в ст. 12, 13 и 15, он *ipso facto* рассматривается как совершивший акт войны против всех членов Лиги. Последние обязуются порвать с ним торговые или финансовые отношения, воспретить сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего Статут, и пресечь финансовые, торговые или личные сношения между гражданами этого государства и гражданами всякого другого государства, является ли оно членом Лиги или нет. В этом случае Совет обязан предложить заинтересованным правительствам тот численный состав военной, морской или воздушной силы, посредством которого члены Лиги будут... участвовать в вооруженных силах, предназначенных для поддержания уважения к обязательствам Лиги». Еще одной санкцией, могущей применяться в отношении нарушителей Статута, является исключение из организации: «Может быть исключен из Лиги всякий член, оказавшийся виновным в нару-

³⁰ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М. : НКВД, 1930. Вып. 5. № 188. С. 5–8.

³¹ Тункин Г. И. Указ. соч. С. 42.

³² Большая советская энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1973. Т. 12. С. 25.

шении одного из обязательств, вытекающих из Статута» (ст. 16).

Следует оговориться, что перечисленные меры могли применяться только к тем государствам — нарушителям Парижского пакта, которые также были членами Лиги Наций, а это значит, что те государства, которые участвовали только в Парижском пакте, не будучи при этом связанными обязательствами по Статуту Лиги Наций, не могли быть подвергнуты указанным в Статуте мерам воздействия.

Кроме того, принудительные меры, предусмотренные в ст. 16 Статута, должны были вводиться только в тех ситуациях, которые могли быть квалифицированы как «незаконная война» в соответствии с положениями самого этого документа. В свою очередь Парижский пакт в этом отношении, как было показано выше, шел значительно дальше, ставя практически любую войну вне закона. Единственным видом войны, не подпадавшим под установленный запрет, являлась война, используемая в законных интересах всего сообщества государств.

Отсутствие в Парижском пакте каких-либо положений о мерах воздействия на нарушителей еще в середине XX в. стало предметом критики со стороны научного сообщества. К примеру, бельгийский правовед Ш. де Вишер справедливо полагал, что в целях воплощения в жизнь запрета на развязывание агрессивных войн должно быть предпринято «нечто большее, чем подписание конвенций»³³.

Нельзя не заметить, что согласно буквальному толкованию Парижского пакта 1928 г. под запретом оказалось не всякое применение силы, а только война. Такое положение вещей

открывало простор для использования эвфемизмов, когда достаточно было не называть войну войной, просто подобрав иной термин для ее обозначения, что подчеркивает М. Боте. В качестве иллюстрации он указывает на известный пример — вторжение в 1930-е гг. японских войск в Китай³⁴.

С учетом того что, помимо войны, возможны иные формы использования вооруженной силы, государствами начала осознаваться важность нормативного определения понятия «агрессия». Заметные усилия в этом плане были приложены Советским Союзом, который в 1933 г. внес на рассмотрение участниками Женевской конференции по разоружению³⁵ подготовленный им проект декларации, в которой содержалось определение агрессии. И хотя этот документ не получил поддержки на конференции, его положения все же обрели признание в договорах, заключенных в том же, 1933-м, году Советским Союзом с рядом соседних государств³⁶. Составители упомянутого проекта декларации исходили из того, что об агрессии следует вести речь в том случае, если совершено какое-либо из действий, обширный перечень которых был здесь закреплен (это могло быть, например, объявление войны, вторжение вооруженных сил в пределы территории иностранного государства, равно как и нападение вооруженных сил одного государства на морские и воздушные суда другого государства, и др.)³⁷. Следует обратить внимание на то, что в ходе судебного процесса над главными военными преступниками фашистской Германии приведенное определение никаких вопросов не вызывало и рассматривалось, по словам И. И. Лукашука, в качестве общепризнанного³⁸.

³³ Цит. по: Тункин Г. И. Указ. соч. С. 47.

³⁴ Международное право = *Völkerrecht*. С. 818–819.

³⁵ Проходила в 1932–1935 гг. по решению Совета Лиги Наций.

³⁶ Укажем их:

- 1) Конвенция об определении нападения, заключенная СССР, Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Персией и Афганистаном 03.07.1933;
- 2) Конвенция об определении нападения, заключенная СССР, Румынией, Чехословакией, Югославией и Турцией 04.07.1933;
- 3) Конвенция об определении нападения, заключенная СССР и Литвой 05.07.1933.

³⁷ Внешняя политика СССР : сборник документов. М., 1944. Т. 3. С. 646–650.

³⁸ Лукашук И. И. Право международной ответственности. М. : Волтерс Клувер, 2004. С. 48.

Кроме того, в рассматриваемый период времени на международном уровне были предприняты определенные усилия в целях искоренения из практики межгосударственного общения любой силы, а не только военной. В этом плане особый интерес представляет Протокол об экономическом ненападении, проект которого был предложен Советским Союзом в 1933 г. Ключевое обязательство, закрепленное в Протоколе, состояло в отказе от экономической агрессии, могущей проявляться в самых разнообразных формах³⁹.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что рубеж XIX–XX вв. ознаменовался появлением важных международных актов, в которых закреплялись некоторые ограничения

одного из традиционных прав государств — права на войну. Все эти акты создали своего рода фундамент для дальнейшего поступательного развития межгосударственного сотрудничества в направлении выработки таких юридических норм, которые служили бы надежным барьером против развязывания захватнических войн в будущем. В этом контексте первостепенную важность имел Статут Лиги Наций 1919 г., где, помимо прочего, были сформулированы требования процедурного характера, выполнение которых было необходимым условием, предшествовавшим обращению к вооруженной силе.

Впрочем, ни Статут Лиги Наций, ни принятый в 1928 г. Парижский пакт не стали препятствием для развязывания Второй мировой войны, что явилось катализатором дальнейшей работы в направлении общего воспрещения применения силы в международных отношениях.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ваттель Э. де.* Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. — М. : Госюриздат, 1960. — 179 с.
2. *Гроций Г.* О праве войны и мира. — М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. — 200 с.
3. *Камаровский Л. А.* О международном суде. — М. : Зерцало, 2007. — 442 с.
4. *Лист Ф.* Международное право в систематическом изложении. — Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912. — 574 с.
5. *Лукашук И. И.* Право международной ответственности. — М. : Волтерс Клувер, 2004. — 404 с.
6. Международное право = *Völkerrecht* / В. Граф Витцтум [и др.] ; пер. с нем. — М. : Инфотропик Медиа, 2011. — 992 с.
7. *Пушмин Э. А.* Мирное разрешение международных споров: международно-правовые вопросы. — М. : Междунар. отношения, 1974. — 175 с.
8. *Тункин Г. И.* Теория международного права. — М. : Зерцало, 2000. — 416 с.
9. *Ayala B.* Three Books on the Law of War and on the Duties Connected with War and on Military Discipline. — Washington : Carnegie Institution, 1912.
10. *Brownlie I.* International law and the use of force by States. — Oxford : Clarendon Press, 1963. — 532 p.
11. *Dinstein Y.* War, Aggression and Self-Defence. — 3rd ed. — Cambridge : Cambridge University Press, 2001. — 300 p.
12. *Eagleton C.* Analysis of the Problem of War. — NY : Ronald Press Co., 1937. — 132 p.

Материал поступил в редакцию 29 февраля 2024 г.

³⁹ Внешняя политика СССР : сборник документов. Т. 3. С. 636.

На уровне двустороннего сотрудничества эта проблематика также поднималась. Так, в советско-персидском Договоре о гарантии и нейтралитете 1927 г. постулировалось, что государства «отказываются от участия в экономических бойкотах и блокадах, организуемых третьими державами против одной из Договаривающихся Сторон» (Документы внешней политики СССР. М. : Политиздат, 1965. Т. 10. 1 января — 31 декабря 1927 г. С. 397).

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vattel E. de. Pravo narodov ili printsipy estestvennogo prava, primenyaemye k povedeniyu i delam natsiy i suverenov. — M.: Gosyurizdat, 1960. — 179 s.
2. Grotsiy G. O prave voyny i mira. — M.: Yurid. izd-vo MYu SSSR, 1948. — 200 s.
3. Kamarovskiy L. A. O mezhdunarodnom sude. — M.: Zertsalo, 2007. — 442 s.
4. List F. Mezhdunarodnoe pravo v sistematicheskom izlozhenii. — Yurev: Tip. K. Mattisena, 1912. — 574 s.
5. Lukashuk I. I. Pravo mezhdunarodnoy otvetstvennosti. — M.: Wolters Kluwer, 2004. — 404 s.
6. Mezhdunarodnoe pravo = Völkerrecht / V. Graf Vittstum [i dr.]; per. s nem. — M.: Infotropic Media, 2011. — 992 s.
7. Pushmin E. A. Mirnoe razreshenie mezhdunarodnykh sporov: mezhdunarodno-pravovye voprosy. — M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1974. — 175 s.
8. Tunkin G. I. Teoriya mezhdunarodnogo prava. — M.: Zertsalo, 2000. — 416 s.
9. Ayala B. Three Books on the Law of War and on the Duties Connected with War and on Military Discipline. — Washington: Carnegie Institution, 1912.
10. Brownlie I. International Law and the Use of Force by States. — Oxford: Clarendon Press, 1963. — 532 p.
11. Dinstein Y. War, Aggression and Self-Defence. — 3rd ed. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 300 p.
12. Eagleton C. Analysis of the Problem of War. — NY: Ronald Press Co., 1937. — 132 p.